

Когда господин Гуд и двое других попрощались вместе с ними будто исчезал последний звук в воздухе. Даже лёгкий ветерок, проникавший через окна длинного коридора, стих. Время словно превратилось в вязкую массу, тихо опутавшую двоих, не позволяя им ни двигаться, ни уйти.

Карлос стоял боком к Альдо, глядя в окно на крышу бокового крыла здания и сад, усыпанный сухими ветками.

Он не знал, с чего начать. Их последняя встреча... для Карлоса она была совсем недавно. Тогда они даже не успели перекинуться ни словом, всё пролетело в спешке, ведь решающая битва была на пороге, и никто не знал, принесёт ли завтрашний день победу или вечную погибель. Даже если бы у него тогда было тысяча слов, сказать их было некогда.

А вот так, просто спокойно стоять рядом... Казалось, что это произошло эоны лет назад и исчезло в самых глубоких воспоминаниях.

— Итак... что произошло?

Когда молчание стало угрожающе затягиваться, и атмосфера начала становиться неловкой, оба неожиданно заговорили одновременно.

Карлос пожал плечами:

— Честно говоря, сам не знаю. В одну секунду я ещё тянул канат с Сатаной на поле боя, а в следующую внезапно оказался в этом времени.

Альдо поморщился и потёр переносицу. Неудивительно, что тогда тот человек упомянул запрещённую технику времени.

— То есть... ты исчез в самый последний момент, потому что попал в какое-то неизвестное пространственно-временное искажение?.. Прости, это немного... путает. Ведь для меня с тех пор прошли годы, а для тебя всё это было буквально только что...

Альдо смотрел на его ясный, тонкий профиль и лишь спустя некоторое время тихо сказал:

— Частица моей души была заключена в барьере. Когда он был разрушен, она автоматически пробудила меня.

Карлос нахмурился:

— Ни один человек не может жить столько же, сколько существует барьер, так же как никто не может воскреснуть из мёртвых... Или же... ты вовсе не умер, а ещё при жизни насильно

погрузил свою душу в сон?

— Кто это сделал? — Карлос, наконец, повернулся к Альдо и посмотрел ему в глаза. — ...Вы сами, Ваше Пресветейшество?

Альдо с некоторым неудобством зажмурился:

— Не называй меня так.

На лице Карлоса мелькнула едкая, почти насмешливая улыбка, но она исчезла так же быстро, как появилась, оставив после себя лишь лёгкую, чуть печальную тень. Клятва, которую тот дал: "защищать жизнь и душой, от рождения и до смерти" - была исполнена. Этот человек перед ним её сдержал.

Погода выдалась на удивление ясной, солнце светило на белоснежную крышу храма, вдалеке уже просыпались ранние ученики и начинали самостоятельные занятия. С высоты было видно, как в переднем дворе начали собираться новые посетители. Белые голуби слетались к фонтану, окунали алые клювы в воду и приводили в порядок перья.

Карлос снова увидел этот одновременно знакомый и чужой пейзаж и внезапно ощутил в душе лёгкую, неясную печаль, медленно заполнившую всё внутри.

Альдо теперь казался ему почти незнакомцем. Когда Карлос взгляделся в него пристальнее, он понял, что тот хрупкий юноша с опущенной головой, каким он остался в его воспоминаниях, превратился во взрослого мужчину: высокого, с прямыми широкими плечами. В его лице ещё угадывались черты той юности, но теперь они были словно выточены лезвием времени - чёткие, холодные, пропитанные сдержанной серьёзностью и следами прожитых лет.

Карлос лениво облокотился на подоконник, отвернулся и тихо произнёс:

— Значит, в конце концов ты всё-таки...

— Да. Я не опозорил посох, — Альдо сделал шаг вперёд и встал рядом с ним у окна. Отсюда был виден сад и статуя самого Альдо. В течение тысячи лет через каменные глаза она упрямо и отчаянно ждала возвращения того, кого он надеялся увидеть вновь.

Я не опозорил жезл... но я предал тебя. — подумал он молча.

— Значит, барьер, о котором вы говорили, действительно разрушен? — спросил Карлос.

— Он серьёзно изношен, энергия почти полностью утрачена, — ответил Альдо. — Но я его восстановлю.

Если Альдо сказал, что восстановит, - значит, он восстановит. Это была та основа доверия, которая позволяла им сражаться плечом к плечу, несмотря на всё недоверие в остальном, разочарование и пройденную дистанцию.

Карлос кивнул, и вдруг понял, что им больше нечего сказать друг другу:

— Раз больше ничего нет, господин, я откланяюсь. - холодно произнёс

— Карл... — Альдо вдруг заговорил, и Карлос с удивлением уловил в его голосе едва заметную дрожь и хрипоту; кадык мужчины болезненно дёрнулся. Мужчина с трудом сглотнул. — Можно... я могу тебя обнять?

Карлос промолчал.

Он не ответил, и рука Альдо застыла в воздухе, в его светло-серых глазах проступили едва заметные кровяные прожилки, а веки покраснели; он упрямо сохранял это неловкое, смущающее положение.

— ...Пожалуйста, — тихо произнёс он.

Это был человек, которого он когда-то поклялся защищать всю жизнь. Карлос с тяжестью на сердце подумал, как когда-то мог радоваться целый день лишь из-за слабой улыбки этого человека, и как бессонно ворочался ночами, если тот хмурился, даже без объяснения причин. Но в итоге они всё равно отдалились. И теперь, после неожиданной встречи, вместо радости была растерянность, и даже нелепая драка.

Юноша, гордый и чувствительный, который всегда жил у него в сердце, вдруг утратил свой привычный образ. Его черты расплылись, и перед Карлосом оказался не он, а мужчина, который отчаянно умолял о простом объятии.

Карлос тяжело вздохнул и, наконец, расслабил напряжённые плечи. В следующий момент Альдо, словно получив прощение, с силой обнял его. Архиепископ, каким он был тысячу лет назад, действительно сделал так, как говорил Майку: прижал ладонь к спине Карлоса, закрыл глаза и будто считал удары его сердца один за другим.

— Я... я могу сделать всё ради тебя, — прошептал Альдо ему на ухо. — Если ты только дашь мне шанс...

Сделать всё ради тебя...

Карлос подумал: Я ведь когда-то... тоже говорил тебе это.

Спустя некоторое время Карлос решительно отстранился от Альдо и, стараясь говорить спокойно, произнёс:

— Я несколько не сомневаюсь в обещании Вашего превосходительства, но... не стоит.

Альдо тут же схватил его за запястье:

— Карл!

Карлос опустил глаза, бросил короткий взгляд на его холодные, бледные пальцы и с усилием, по одному, медленно разжал их. Затем слегка приподнял уголки губ и с лёгкой усмешкой напомнил:

— Мистер Фларете. Позвольте напомнить, ваше превосходительство.

Я... устал. Очень устал.

С этими словами он повернулся и вышел. Подол его длинного плаща, которая показалось Альдо странного кроя, слегка развевались при каждом шаге. В руке он нёс тот несуразный тяжёлый меч, ножны которой мягко ударялись о ногу в такт его неторопливой походке. Несмотря на то что он больше не носил тот огромный капюшон, теперь он прятал лицо под небольшую, но плотно надвинутую шляпу, словно без неё ему не хватало чувства безопасности.

Альдо вдруг вспомнил давний разговор между ними:

— Лео!

— Мистер Альдо, господин Фларете. Кто вам позволил звать меня по имени?

Прошли годы, и теперь всё перевернулось.

Он смотрел ему вслед и с лёгкой горечью улыбнулся, под широкими рукавами его ладони медленно сжались в кулаки. Сколько себя помнил, он всегда испытывал глубоко укоренившийся страх перед спиной Карлоса.

Когда Карлос исчез из поля зрения, на лице Альдо не осталось и следа прежней, открытой печали, будто ветер развеял песок. Он спокойно опустил голову и посмотрел на свою руку, которая казалось, там всё ещё сохраняла запах того человека.

Только что он получил два важных сведения: первое - Карлос пришёл из той самой войны, и между ним и тем, кого он помнил, нет той бездны времени, которую он себе представлял.

Второе – судя по реакции на его пробный шаг, Карлос всё ещё способен к нему смягчиться.

Этого достаточно, - сказал себе Альдо, - достаточно хорошо, я верну тебя, клянусь именем Храма.

В утреннее окно ворвался ветер, подхватил его золотистые волосы и принёс с собой ясный, холодный запах зимы. Альдо глубоко вдохнул, закрыл свои светло-серые глаза и молча стоял на месте – точно ангел, молящийся на заре.

«Если в этом мире действительно есть божество, — подумал он, — пусть ваш недостойный слуга принесёт вам свою самую искреннюю благодарность».

Исполненный тяжёлых мыслей, Карлос поймал такси от Храма до дома Гаэра. Оплата проезда только усугубила его мучения: ему всё ещё трудно было разобраться, сколько стоит каждая из этих странных разноцветных бумажек, а уж с рассеянной головой и вовсе катастрофа.

К счастью, водитель оказался пожилым и сердобольным. Он с сочувствием глянул на этого красивого парня с ржавым "игрушечным" мечом, с состраданием глядя, как тот трижды ошибается, прежде чем наконец правильно отсчитать сумму.

— Нет-нет, малыш, я не могу взять с тебя деньги, — сказал водитель. — Поверь, то, что ты вообще решился выйти один – это уже огромная смелость. Ну же, убери их обратно.

Карлос: А?

Провожая его взглядом, водитель высунулся из окна и, сжав кулак, подбодрил его:

— Запомни, мальчик, конституция даёт тебе такие же права, как и всем остальным. Всё будет хорошо! Инвалидность – лучший учитель. Не дай ей сломить тебя, и ты станешь по-настоящему выдающимся человеком!

Карлос: «...»

Эээ... мне кажется, вы что-то неправильно поняли?

— Беги смело, как Форрест Гамп! — с пафосом крикнул водитель, свистнул, крутанул руль и уехал прочь.

Лили, игравшая во дворе, сразу заметила его и радостно закричала:

— Джон!

— Глупая, — дёрнул её за косичку Майк. — Его зовут Карлос.

Лили взвизгнула, и двое детей тут же сцепились. А Гаэр вышел к нему навстречу, на вид немного смущённый, как будто не знал, как себя вести:

— Джо... эм... как мне к вам обращаться?

Практически ровесник... но предок? Это было слишком нелепо, чтобы в это поверить.

Карлос растерянно застыл на месте, не зная, что делать.

Когда он не улыбался, его лицо становилось пугающе бледным, даже несмотря на то, что раны на теле почти зажили, эта бледность будто исходила из самой глубины души.

Он стоял, и никто не мог ясно увидеть его глаза. Казалось, вот-вот ветер унесёт его прочь; он всегда охотно врывался в любой шум и веселье, где бы то ни было в мире, но приходил ненадолго – посмеяться, выпить воды... и тут же исчезнуть в новом направлении.

Гаэр вдруг вспомнил, как в тот день на кладбище Адора старый смотритель рассказывал ему полуполюгендарные истории о Карлосе: бесконечные скитания, несправедливость, которую он пережил, и всё же ничто не остановило его вернуться на поле боя. Сейчас Карлосу даже не было столько лет, сколько было самому Гаэру, а ведь когда его самого называли "молодым и подающим надежды", этот человек уже прожил бурную, полную переворотов жизнь.

Гаэр мягко улыбнулся, больше не колеблясь, подошёл, раскрыл руки и обнял застывшего мужчину, с силой похлопав его по спине:

— Ну что ж, как бы тебя ни звали... ты наконец-то дома.

Возможно, с течением времени кровь стала настолько разбавленной, чтобы заслуживать упоминания, но именно здесь, сейчас, она стала единственной связующей нитью, его последним якорем. Через тысячу лет потомки тех, кого он никогда больше не мог бы увидеть, наконец исполнили обещание, данное их предком в юности: «Если ты не стал великим человеком, тогда нам просто придётся любить тебя вечно».

У Карлоса защипало в носу. Его напряжённое тело, наконец, расслабилось, и он тихо рассмеялся:

— Я так тронут, что сейчас заплачу.

— О, ты можешь поплакать у меня на плече, — весело ответил Гаэр. Отпустив его, он поднял на руки Лили и Майка и направился во двор Шоуденов:

— Как насчёт итальянской кухни на ужин, большие и маленькие дети?

Лили и Майк хором закричали:

— Ура!

Карлос засмеялся, но вдруг вспомнил кое-что:

— Кстати, — обратился он к Гаэру, — а кто такой Форрест Гамп?

<http://bllate.org/book/14761/1317211>